

Аще кто даст свини в ноздри колцо злато,
 Обаче начнет рыти кал и смрадно блато.
 Кто бы гладил свинию ублатнену,
 Нося на себе ризу узлатнену,
 Всяк ее от себе прочь отгоняет,
 Зане обоняние зело воняет.
 Так и орача негодно постригать,
 Годно его от лавры прочь отгонять.
 В белцах орачь бо просит, яко рыба сом,
 А в чернцах орачь является злым псом.
 (Об.) Аще кто тя во храм свои водворит,
 И таковым псом весь храм свои осмрадит,
 Для того господа близ врат псов берегут,
 Что они господина дома стерегут.
 Так кто и орача мнихом сотворит,
 Не плоше пса им лавру осмрадит,
 Он стрижется для вина и табаку,
 Чтоб на чужем хлебе лежать на боку.
 Не так муха летит на мед сладак,
 Как чернец орачь на вино падак.
 Не так злыи волк падет на овчата,
 Как чернец орачь лстив на уныя отрочата.
 На иноки — отрочата и вино
 Злеише оружие сатанино.
 От орача мужика глупца мниха
 Нет в нем добра кроме всякого лиха.
 Многих монахов мужиков орачей
 Бес в чернцах учиняет богачей.
 Тем богатством накупаются на власть,
 Чем бы было душам их во ад попасть.
 Не толко с древ листу на землю падоша,
 Сколко в России людей глупых погибоша,
 Ныне же тех людей много погибает,
 А орачь ту гибель в святость вменяет.
 (Л. 15). Мнишеск путь свят, я ево не поношаю,
 А орачам не благ, то вам внушаю.
 Мнишеск путь свят честным людем разумным,
 А не орачам свиньям неразумным.

Ряд устных песен, бытовавших в течение всего XIX в., а частично дошедших и до нашего времени, отражают эту «спьяную» репутацию монастырей, уходящую в их отдаленное прошлое. Так, напр., в старых записях П. В. Киреевского есть песня под заглавием «Монашеская на глас тебе